

В бананово-лимонном Сингапуре и заснеженной Москве

«...Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался,—я отдаю за один самый пасмурный, дождливый и заплаканный день у себя на Родине», — написал когда-то А. Вертинский перед возвращением в Москву. 21 марта театральная общественность будет отмечать столетие со дня его рождения. Для поклонников его таланта фирма «Мелодия» выпускает альбом из двух пластинок с новыми записями. На телевидении готовится фильм о жизни и творчестве певца. После двадцатипятилетнего перерыва возобновлена работа над книгой А. Вертинского «Дорогой длиною» (издательство СТД).

Наш корреспондент встретился с супругой Александра Николаевича — Лидией Вертинской. И фильм, и юбилейный альбом, и книга создаются при деятельном ее участии. По профессии она художник-график.

— Мои собственные заказы, работы на время забыты, сижу в архиве с утра до позднего вечера,— с этих слов Лидии Владимировны началась наша беседа с ней в московской квартире, где они с Вертинским прожили четырнадцать счастливых лет после возвращения на Родину.

— В 1962 году, уже после смерти Вертинского, когда прочли в четырех номерах журнала «Москва» его «Четверть века без Родины», мы узнали, каким он был прекрасным мемуаристом. Новая книга — переиздание этих мемуаров или будет издана непубликовавшаяся рукопись?

— «Четверть века без Родины» написаны Александром Николаевичем еще в Шанхае,— рассказывает Лидия Владимировна. — Он дружил с тассовцами, работавшими в этом городе. Они издавали газету и попросили Вертинского, известного импровизациями и прекрасного рассказчика, писать для них главами воспоминания.

Начать их Александр Николаевич решил не с детства (кого оно тогда волновало?), а со времени отъезда генерала Слэцева из Одессы, в том был расчет на интерес у весьма своеобразной в Шанхае читающей публики — русских эмигрантов. Многие из них прошли путь скитаний по городам и странам. Прошло почти полвека, и за-

писанные по свежим впечатлениям воспоминания теперь воспринимаются как свидетельства истории. И уже современным читателям его записки могут рассказать новое об Анне Павловой, Сергее Лифаре, Иване Мозжухине, Федоре Шалапине... О чувствах, сближавших всех тосковавших по родным берегам. О тех, для кого он пел и «Чужие города» и другие свои песни. Кто мучительно больно искал свой ответ на вопрос, терзавший и его долгие годы...

«...До сих пор не понимаю, — написал он, — откуда у меня набралось столько смелости, чтобы, не зная толком ни одного иностранного языка, в двадцать пять лет, будучи капризным, избалованным русским артистом,— так необдуманно покинуть Родину. Сестра на пароход и уехать в другую страну. Что меня тогда толкнуло на это?»

Вновь стал писать воспоминания о своей жизни Александр Николаевич уже в свои последние годы. С издательством ВТО был подписан договор. Он так хотел увидеть свою книгу! В 1964 году она действительно была набрана, но вскоре неожиданно набор рассыпался...

...Вторая часть воспоминаний — это детство, юность. У него были очень интересные предки. Бабушка — урожденная Искра (помните судьбу Искры и Кочубея?). Доводилась ему родственницей и Гоголь-Яновская... Воспитывался Саша у тетки, мать умерла, едва ему исполнилось три года, отца он лишился в пять лет. Вертинский Николай Петрович (присяжный поверенный) был довольно известным фельетонистом, в старом

словаре псевдонимов его можно найти — «Граф Нивер»...

— Выходит, литературный дар к Александру Николаевичу перешел по наследству?

— Да, Александр Николаевич, действительно, прекрасно писал... Мало кому сегодня известно, что родился он в Киеве (дом хорошо сохранился, будем надеяться, что вскоре, как обещают местные власти, на нем появится памятная доска). Здесь еще юношей Вертинский написал первый рассказ «Моя невеста», он был опубликован в журнале «Киевская неделя» в 1912 году. До отъезда из Киева успел опубликовать еще несколько рассказов — «Папиросы Весна», «Лялька»...

— Наталья Ильина в своих воспоминаниях о Шахнае рассказывает: когда она редактировала там газету, Вертинский был одним из немногих ее постоянных авторов...

— Да, регулярно в «Шанхайском базаре» в разделе «Почтовый ящик» появлялись его маленькие забавные истории на злободневные темы. Писал он их так же легко, как и рассказывал, только ей, бедняжке, не так просто было «заловить» своего автора. Случалось, что писал ей свои корреспонденции и на бумажных салфетках...

Но они все сохранились, войдут в книгу Вертинского, и я думаю, читатели с удовольствием их прочтут. Они очень оживляли газету, ведь написаны в жанре, который, к сожалению, забыт сейчас.

В книге будет много фотографий, редких, никогда не публиковавшихся, афиши, программки его концертов, начиная с 1917 года. В воспоминаниях «оживает» театральная Москва двадцатых годов. Есть рассказ о том, как Вертинский попал на сцену. Первым его заработком был бесплатный обед, так было принято в некоторых частных театрах расплачиваться с актерами...

— Лидия Владимировна, расскажите, как и когда вы возвратились на Родину? Как жи-

лось Вертинскому последние четырнадцать лет?

— Первое прошение о возвращении Вертинский подал в Польше в начале двадцатых годов, второе — в двадцать седьмом году в Берлине, когда приехал туда Луначарский, и, наконец, уже в сорок втором направил письмо с одним из дипломатов... Ехали мы из Шанхая вместе с командой торгового судна, потерпевшего аварии, и семьями двух посольских работников, задержанных японцами. До Читы добирались десять дней, две недели просидели в ожидании багажа. Был ноябрь... В Чите Александр Николаевич спел четыре концерта; когда заплатили деньги, первым делом послал на базар купить мне валенки... Мороз был такой, словно меня окунули в кипяток... Так в этих валенках я и приехала в Москву. В Москве нас приняли хорошо, поместили в «Метрополе»... Мы попали в отличные по тем временам условия, были в тепле, у нас была горячая вода, мы могли купать маленького ребенка, нам выдали карточки...

...Наконец, состоялся первый концерт — в ВТО. Как жда-

ли его, как все интересовались Вертинским! Одни знали его еще до революции, другие не видели на сцене, но слышали много противоречивого... Потом были концерты на фронте, в фонды помощи детям фронтовиков, инвалидов войны. У Александра Николаевича собралась целая папка писем с благодарностями, теплыми словами. Ее вместе с другими документами после смерти мужа я передала на хранение в Центральный государственный литературный архив.

— Не потеряла ли публика со временем интерес к певцу?

— Нет — интерес был постоянным. Он изъездил всю страну вдоль и поперек и не один раз.

Напротив, начался такой марфон, который явно был ему не по годам и не по силам... Гаструльбюро планировало двадцать четыре концерта в месяц! Кто-то неосторожно спросил его тогда, не пишет ли воспоминания, на что измученный певец ответил, что, если бы сейчас сел их писать, назвал бы «Мой путь к инфаркту»... Почему его так не берегли?! В Сибирь и на Дальний Восток посылали толь-

ко зимой, а в Среднюю Азию и на юг — в самую жару...

Александр Николаевич сыграл в пяти фильмах, за одну из ролей получил Государственную премию. А вот концерт — ни один — так и не записали на пленку. Очень жаль. И Шалапин, и Качалов (да и не только они) говорили, что Вертинского с его умением перевоплощаться, создавать образы, с его «поющими руками» надо видеть на сцене...

Непонятная история происходила с пластинками. Пятнадцать песен напел он сразу же, как приехал, сказали, что правительство интересуется, но война — не время слушать концерты, надо записать... Да так эти первые пятнадцать и остались единственными, что увидел в пластинках Вертинский у себя на Родине. Правда, успели записать еще шесть песен. Пластинки большими тиражами, до шести миллионов, вышли после смерти его, а три долгоиграющие — еще через много лет.

Н. КИЩИК.

На снимке: А. Вертинский с дочерьми Анастасией и Марианной.